

ЛИТЕРАТУРА

**Всероссийская
олимпиада школьников**

10 класс

**II (муниципальный) этап
2019**

ЗАДАНИЕ 1 (аналитическое). *Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста (1.1 или 1.2 – на выбор). (Предложенные установочные вопросы и направления анализа имеют рекомендательный характер и не подлежат обязательному исполнению. Выбор путей рассмотрения текста осуществляется участником олимпиады самостоятельно.)*

ЗАДАНИЕ 1.1. Установочные вопросы. 1) Какой поворот придан теме войны в главе «Смерть и воин» из поэмы «Василий Теркин»? 2) Какой эффект достигается введением в реалистическое по стилю произведение фантастического образа Смерти? 3) В чем заключается основное действие произведения и каковы основные этапы этого действия? 4) Поэма написана во время войны и была рассчитана на то, чтобы ее читали участники боевых действий. В чем стремился убедить солдат автор главы «Смерть и воин»? 5) Какие черты присущи русскому солдату, по мнению Твардовского? 6) Какие ценности являются наиболее важными для автора и его героя? 7) Как выражается авторская позиция в произведении? 8) Каковы его языковые особенности? 9) Что в этом произведении Твардовского может привлечь современного читателя?

ЗАДАНИЕ 1.2. Установочные вопросы. 1) О чем рассказ Ю. Куранова «Ласточкин взгляд»? (Не про что, а о чем?) 2) Какое начало доминирует в рассказе – эпическое, лирическое или драматическое? 3) Какова основная событийная (сюжетная) линия в произведении? 4) Каковы основные этапы развития действия в нем? 5) Чем обусловлено и как проявляется очеловечивание образов птиц? 6) Восприятие любого литературного произведения – это общение читателя с автором. Какого рода общение между читателем и автором происходит в процессе чтения рассказа «Ласточкин взгляд»? 7) Какую роль в произведении играет образ чердака? 8) Можно ли считать рассказ современным по проблематике?

**Александр Трифонович
ТВАРДОВСКИЙ**

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН *Глава 21. Смерть и воин*

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Теркин
Неподобранный лежал.

Снег под ним, набрякши кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
– Ну, солдат, пойдем со мной.

Я теперь твоя подруга,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.
– Я не звал тебя, Косая,
Я солдат еще живой.
Смерть, смеясь, нагнулась ниже:
– Полно, полно, молодец,

Я-то знаю, я-то вижу:
Ты живой да не жилец.

Мимоходом тенью смертной
Я твоих коснулась щек,
А тебе и незаметно,
Что на них сухой снежок.

Моего не бойся мрака,
Ночь, поверь, не хуже дня...
– А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?
Смерть как будто бы замялась,
Отклонилась от него.
– Нужно мне... такую малость,
Ну почти что ничего.

Нужен знак один согласья,
Что устал беречь ты жизнь,
Что о смертном молишь часе...

– Сам, выходит, подпишись?–
Смерть подумала.
– Ну что же,–
Подпишись, и на покой.
– Нет, уволь. Себе дороже.
– Не торгуйся, дорогой.

Все равно идешь на убыль.–
Смерть подвинулась к плечу.–
Все равно стянулись губы,
Стынют зубы...
– Не хочу.

– А смотри-ка, дело к ночи,
На мороз горит заря.
Я к тому, чтоб мне короче
И тебе не мерзнуть зря...

– Потерплю.
– Ну, что ты, глупый!
Ведь лежишь, всего свело.
Я б тебя тотчас тулупом,
Чтоб уже навек тепло.

Вижу, веришь. Вот и слезы,
Вот уж я тебе милей.

– Врешь, я плачу от мороза,
Не от жалости твоей.

– Что от счастья, что от боли –
Все равно. А холод лют.
Завилась поземка в поле.
Нет, тебя уж не найдут...

И зачем тебе, подумай,
Если кто и подберет.
Пожалеешь, что не умер
Здесь, на месте, без хлопот...

– Шутишь, Смерть, плетешь тенета.–
Отвернул с трудом плечо.–
Мне как раз пожить охота,
Я и не жил-то еще...

– А и встанешь, толку мало,–
Продолжала Смерть, смеясь.–
А и встанешь – все сначала:
Холод, страх, усталость, грязь...
Ну-ка, сладко ли, дружище,
Рассуди-ка в простоте.

– Что судить! С войны не взыщешь
Ни в каком уже суде.

– А тоска, солдат, в придачу:
Как там дома, что с семьей?
– Вот уж выполню задачу –
Кончу немца – и домой.

– Так. Допустим. Но тебе-то
И домой к чему прийти?
Догола земля раздета

И разграблена, учти.
Все в забросе.

– Я работник,
Я бы дома в дело вник,
– Дом разрушен.
– Я и плотник...
– Печки нету.
– И печник...
Я от скуки – на все руки,
Буду жив – мое со мной.

– Дай еще сказать старухе:
Вдруг придешь с одной рукой?
Иль еще каким калекой,–
Сам себе и то постыл...

И со Смертью Человеку
Спорить стало свыше сил.
Истекал уже он кровью,
Коченел. Спускалась ночь...

– При одном моем условии,
Смерть, послушай... я не прочь...

И, томим тоской жестокой,
Одинок, и слаб, и мал,
Он с мольбой, не то с упреком
Уговариваться стал:

– Я не худший и не лучший,
Что погибну на войне.
Но в конце ее, послушай,
Дашь ты на день отпуск мне?
Дашь ты мне в тот день последний,
В праздник славы мировой,
Услыхать салют победный,
Что раздастся над Москвой?

Дашь ты мне в тот день немножко
Погулять среди живых?
Дашь ты мне в одно окошко
Постучать в краях родных,
И как выйдут на крылечко,–
Смерть, а Смерть, еще мне там
Дашь сказать одно словечко?
Полсловечка?

– Нет. Не дам...

Дрогнул Теркин, замерзая
На постели снеговой.

– Так пошла ты прочь, Косая,
Я солдат еще живой.

Буду плакать, выть от боли,
Гибнуть в поле без следа,
Но тебе по доброй воле
Я не сдамся никогда.

– Погоди. Резон почище
Я найду,– подашь мне знак...

– Стой! Идут за мною. Ищут.
Из санбата.
– Где, чужак?
– Вон, по стезжке занесенной...

Смерть хохочет во весь рот:
– Из команды похоронной.
– Все равно: живой народ.

Снег шуршит, подходят двое.
Об лопату звякнул лом.

– Вот еще остался воин.
К ночи всех не уберем.

– А и то: устали за день,
Доставай кисет, земляк.
На покойничке присядем
Да покурим натошак.
– Кабы, знаешь, до затылки –
Щец горячих котелок.

– Кабы капельку из фляжки.
– Кабы так – один глоток.
– Или два...

И тут, хоть слабо,
Подав Теркин голос свой:
– Прогоните эту бабу,
Я солдат еще живой.

Смотрят люди: вот так штука!
Видят: верно, – жив солдат.

– Что ты думаешь!
– А ну-ка,
Понесем его в санбат.

– Ну и редкостное дело, –
Рассуждают не спеша. –
Одно дело – просто тело,
А тут – тело и душа.

– Еле-еле душа в теле...
– Шутки, что ль, зазяб совсем.
А уж мы тебя хотели,
Понимаешь, в наркомзем...

– Не толкуй. Заждался малый.
Вырубай шинель во льду.
Поднимай.

А Смерть сказала:
– Я, однако, вслед пойду.

Земляки – они к работе
Приспособлены к иной.
Врете, мыслит, растрясете –
И еще он будет мой.

Два ремня да две лопаты,
Две шинели поперек.
– Береги, солдат, солдата.
– Понесли. Терпи, дружок. –
Норовят, чтоб меньше тряски,
Чтоб ровнее как-нибудь,
Берегут, несут с опаской:
Смерть стороной держит путь.

А дорога – не дорога, –
Целина, по пояс снег.
– Отдохнули б вы немного,
Хлопцы...
– Милый человек, –
Говорит земляк толково, –
Не тревожься, не жалей.
Потому несем живого,
Мертвый вдвое тяжелей.

А другой:
– Оно известно.
А еще и то учесть,
Что живой спешит до места, –
Мертвый дома – где ни есть.

– Дело, стало быть, в привычке, –
Заключают земляки. –
Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко теплую, с руки...

И подумала впервые
Смерть, следя со стороны:
«До чего они, живые,
Меж собой свои – дружны.
Потому и с одиночкой
Сладить надобно суметь,
Нехотя даешь отсрочку».

И, вздохнув, отстала Смерть.

**Юрий Николаевич
КУРАНОВ**

ЛАСТОЧКИН ВЗГЛЯД

Ласточка никогда не смотрит искоса, прищуренно, исподлобья, она всегда смотрит прямо своими маленькими черными глазами, и трудно понять, о чем она думает.

Я поселился на чердаке в душную июльскую ночь, когда в комнате спать было уже невозможно. По шаткой еловой лестнице взобрался на

бревенчатый потолочный настил, накрыл в углу широкие снопы прошлогоднего льна простыней и радостно лег в темноту. Где-то горизонтом шла гроза. Она рассыпала в жаркую летнюю ночь решительные широкие раскаты. Гром, уже почти обессиленный в пути, оживлялся под сухой приветливой крышей и долго бродил по чердаку от

одного угла к другому. Казалось, что каждое утомленное духотой бревно бережно взвешивает в себе далекий грозовой удар, выслушивает его со всех сторон и любовно передает в другое, такое же отзывчивое бревно.

Проснулся я оттого, что почувствовал на себе взгляд. И стоило мне только открыть глаза, как две ласточки, упав откуда-то из-под крыши, заметались надо мной с настоящим и сердитым криком. Слов, которые выговаривали они, я не понимал, но смысл всего выкрикивавшегося стал мне ясен, как только я увидел над собой прилепленное к кровле маленькое гнездо. «Зачем ты пришел сюда? — кричали ласточки. — Разве тебе мало всего этого огромного дома? Ведь ты человек, тебе ничего не стоит построить хороший большой дом там, где тебе захочется! Нам уже поздно начинать строить другое гнездо в другом доме». Пока две ласточки в лучах пробившегося в щели солнца требовательно летали надо мной, я с эгоизмом, который еще с давних времен укоренился в отношении человека ко всякому животному, решил перетащить сюда, на чердак, стол и все свои книги.

Всю первую половину дня ласточки так и не садились в гнездо. Они только подлетали то к одному, то к другому окошку чердака, заглядывали внутрь и с криком улетали прочь, заведя меня. К вечеру они прилетели в сопровождении третьей ласточки. По тому, как та держалась, было ясно, что она старше и мудрее их и приглашена дать решительный совет.

Она прямо и быстро влетела в дальнее окошко и принялась издали разглядывать меня, шумно хлопая крыльями. Две другие тоже влетели, но вели себя так суетливо и громко, как девушки, после долгого колебания бросившиеся в холодную воду. Они кричали на меня, друг на друга и делали вид, будто вот-вот меня смертельно напугают. Старая же ласточка, видя человека, сидящего за столом и мирно занимающегося своим делом, покружилась несколько минут, села на окошко против моего стола, заглянула мне в лицо, подумала и, что-то спокойно сказав молодым, умчалась. Видимо, эта коротенькая птичья фраза означала что-то успокоительное, потому что с этого момента поведение ласточек резко изменилось. Они дружно принялись за работу.

Никогда и нигде не встречал я существа, которое бы так увлеченно и безропотно трудилось. С рассвета до сумерек ласточки носили в своих крошечных клювах землю, травинки, перо. Они клали каплю земли на уже подсохший край гнезда, на каплю — тоненькую сухую ветку, сверху — опять каплю земли. Когда остов гнезда был готов и издали стал напоминать прилепившийся к скале средневековый замок, ласточки начали устраивать его изнутри.

Следя за этими двумя существами, я старался понять, что дает им столько вдохновения. «Если в их головах гнездится хотя бы маленькая частица разума, — решил я, — то они живут уве-

ренностью, что плоды их труда невозможно использовать как оружие против них самих».

А между тем в поведении ласточек наметилась резкая разница. Видя меня днем склонившимся над бумагами, а ночью спокойно спящим, самец перестал обращать на человека внимание. С соломинкой ли, с перышком влетал он на чердак и, чуть обогнув меня, прямо над столом садился в гнездо. С наступлением сумерек он так же просто прилетал спать. Супруга же его во всем оставалась верной тому характеру поведения, который считается обязательным для ее пола. Как и всякая молодая женщина, она была в высшей мере недоверчива и подозрительна. Она бранила меня ежеминутно и громогласно всякий раз, когда появлялась на чердаке. И я, и супруг ее, и она сама отлично понимали, что брань эта уже не выражает ее отношения ко мне и не имеет никакого смысла. Тем не менее просто ради приличия она считала себя обязанной быть строгой. Чтобы дать ей возможность забраться на ночь в гнездо, я должен был уходить вниз и возвращаться на чердак только с темнотой.

В темноте все мы мирно отдыхали. В досках поскрипывал ветер, иногда гулко падали капли дождя, но чаще всего нас окружала какая-то добрая живая тишина. В этой тишине ласточки иногда разговаривали во сне. Порой они что-то пели протяжно и восхищенно. Наверное, в эти минуты им снились далекие земли с голубым морем, накатывающимся на песчаный берег, с высокими маяками, с горячими большими пирамидами. Порой же они шептались что-то быстро и ласково, и я догадывался, что им снились их будущие птенцы. Временами одна из ласточек вдруг начинала браниться, и мне становилось ясно, что ей приснился я. Так, прислушиваясь и весь уходя в их тоненькие ночные голоса, я засыпал сам.

В одно из утр между супругами произошел серьезный разговор. Она влетела на чердак и стала кружиться надо мной, не решаясь сесть в гнездо. Он прилетел следом и недовольно смотрел на поднятую вокруг меня суету. «Хватит», — вдруг сказал он сердито и громко. Она, совсем было уже расхрабрившаяся, опять свернула в сторону. «Хватит. Надоело», — повторил он тем же голосом. «Ах, так!» — воскликнула она, бросила соломинку и направилась к окошку. Он надулся и сел так, что загородил собой все отверстие. Лететь над моим столом у нее не хватало духу, и с новым криком она стала носиться по чердаку. «Бессовестный! — кричала она. — Выпусти меня сейчас же из этой западни! Если ты не дорожишь своей жизнью, то пощади хоть меня! Я не хочу, чтобы меня поймал этот огромный человек и превратил в жалкую игрушку. Никогда! Ну, за что, за что мне такое наказание!» Он сидел молча и смотрел на нее такими глазами, что она еще некоторое время покричала, похлопала крыльями и села под самой крышей на перекладину. Тишина продолжалась недолго. Она взмахнула крыльями и направилась к гнезду, но опять

свернула и села уже над самой моей головой. Он молчал, но продолжал смотреть все так же укоризненно и строго. «Я уже ничего больше не понимаю. Делайте со мной, что хотите», – сказала она покорно и печально, вспорхнула и села в гнездо. Он тоже вспорхнул, тоже сел в гнездо и тихо сказал ей: «Молодец». Тогда она вылетела из гнезда, пролетела над моим плечом, села в окошке напротив и заглянула мне в лицо. Я поднял взгляд, и глаза наши встретились. Она долго смотрела на меня маленьким черным взглядом, и с этим мгновением установилась между нами теплая и ясная музыка.

Эта музыка рождена струящимся воздухом лета, счастливым птичьим гомоном, раскинувшимися по ветру березами, волшебными запахами родных покосов. В ее звучании оживают и сами превращаются в мелодию шаги вороны, севшей на крышу, беготня воробьев, клюющих на кровле березовое семя, осторожный и мимолетный скок синицы вдоль конька. С ее звучанием слова, воспоминания и желания становятся значительнее, властнее и самостоятельнее. Она парила день и ночь, как легкое дуновение ласточкиных крыльев, промелькнувших перед самими ресницами.

Но однажды утром эта музыка тревожно обрвалась. Где-то глубоко во сне я почувствовал это и проснулся. Ласточка опять взволнованно металась надо мной. Опять в ее речах слышалось опасение. Я взглянул на табуретку и увидел на ней выброшенное из гнезда пробитое и опустевшее яичко. Две такие же опустевшие скорлупки я нашел возле своей постели. На чердак ворвался отец с большой черной мухой в клюве. Он был похож на самолет, потому что мчался прямо и стремительно, а муха ревела, как настоящий мотор. С этого утра таким многотонным жужжанием наполнилось все пространство под нашей крышей, и с жужжанием мирно возобновлялась старая теплая музыка.

Только музыка стала гораздо стремительней, потому что весь день ласточки совершенно не знали покоя. Аппетит вылупившихся птенцов был громаден, издали они были воплощением обжорства. Сами еще крошечные, чуть подернувшиеся синеватым редким пухом, они превратились в один сплошной разинутый клюв, и пища попадала тому, кто скорее успевал подставить его под добычу. Правда, так кормила детей только мать, которая была еще очень молода. Отец же поочередно клал пищу в рот каждому сынишке справа налево. Скоро кошка разорила гнездо на чердаке соседнего дома, и кормильцев под нашей крышей стало трое. Уже знакомая старая ласточка принялась помогать молодым, она кормила птенцов тоже справа налево. Мать и отец спали в гнезде, сидя по краям его, а старая ласточка пристраивалась на перекладине под крышей сарая. Во сне она тоже часто разговаривала таким же горячим и ласковым голосом, каким говорили во сне молодые ласточки, пока у них еще не было детей.

Но вскоре наступило такое утро, когда я проснулся оттого, что в щеку мне кто-то тепло и трусливо ударил куцым крылом. Прямо с подушки из-под моего носа смотрел на меня любопытствующим наивным взглядом почти оперившийся птенец. Второй птенец сидел на изогнутом колене трубы и тоже смотрел на человека. От взрослых ласточек молодые отличались только тем, что на их хвостах еще не было двух прямых черных стрел. Третий брат сидел в гнезде и робко поглядывал в пропасть, отделявшую его от бревенчатого настила. Очевидно, этот брат не совсем проворно успевал подставлять свой рот под материнскую добычу, и недостаток сил теперь проявлялся в нем нерешительностью.

Он выпрыгнул из гнезда только в полдень, когда я уже сидел за столом, а остальные братья старательно исследовали пыльные просторы повети и чулана. Он выпрыгнул в сторону стола и упал на огромный том «Всемирной истории», одетый в богатый зеленый переплет. Я продолжал писать, и это ничем не объяснимое появление неисчислимых букашек из-под пера повергло птенца в изумление. Его маленькие черные глаза по-охотничьи оживились, и видно было, что только врожденная корректность, свойственная всем ласточкам, не дает ему броситься на эти букашечьи рати. В мягком полусвете чердака обложка отсвечивала на белую грудь молодой ласточки зеленью, черным перьям крыльев тоже придавала какое-то фантастическое сияние, так что весь птенец преображался в странную, незнакомую птицу.

Весь день птенцы разгуливали по дому, и в голову им не приходило вспорхнуть на окно, глянуть на улицу. Перед сумерками на чердак влетел чужой заблудившийся птенец. Он устало бросился в гнездо. Немедленно с повети приковыляло все оперяющееся юношество и с любопытством начало осматривать пришельца. Молодежь ночевала потеснившись, а отец и мать – на тонкой перекладине под крышей сарая. Утром появилась старая ласточка, она о чем-то поговорила с заблудившимся бродяжкой и улетела с ним вместе, да так уж больше и не возвращалась...

А для оставшихся братьев путь на улицу был открыт. Один за другим они вспархивали на окно и, взъерошенные от ветра и неумения сидеть прямо, выглядывали с чердака.

О солнце! Каким океаном простора и света встретил их мир! Сколько птичьих криков реяло между землей и высокими сверкающими облаками! Сколько невиданных огромных деревьев с малиновыми шишками шумело праздничной хвоей! Сколько величественных ленивых коршунов парило под солнцем, и каждому птенцу казалось, что уж он-то обязательно станет такой же большой и сильной птицей. А под ногами открывалась такая высота, что сердце сладко ежилось от одного только воспоминания, как ловко и просто бросались отец и мать с окна спиной вниз,

почти не раскрывая в первое мгновение крыльев.

На проводах через дорогу сидели взрослые ласточки. Они смотрели на детей.

В полдень я видел, как те же двое родителей грозно и яростно гнали через поле ястреба. Огромный и неуклюжий, он трусливо уходил от них над самым жнивом. Они нагоняли его. Они взвизгивали над ним, падали ему на голову и били ее маленькими храбрыми клювами.

С этого дня чердак опустел. Одну ночь птенцы просидели над окошком, тесно сбившись плечом к плечу и глядя, как величественно занимается в небе желтая звезда Арктур. С тех пор никто не знает и не видел, где они ночевали. Только все видели, как счастливо носились ласточки над домами, сараями, над облетающими золотыми липами, над радостным рабочим гулом, в котором потонули поля. Они носились и друг другу навстречу, и друг от друга, и друг за

другом вытянутыми огромными кругами, как маленькие черные планеты. И дом, и сарай, и липу они заткали темной сеткой стремительного мелькания, так что стало казаться, будто все летит вместе с ласточками в синее осеннее небо.

Вскоре все опустело, и не только на чердаке, но и вокруг стало тихо. Только слышался бережный плеск навсегда опадающих листьев. Птицы улетели, а остались лишь те, кто не надеялся дотянуть до теплых далеких стран. В такой высокий ясный день я спал на стогу свежей соломы в поле под проводами. Где-то глубоко в легком полевым сне я почувствовал на себе взгляд. Я открыл глаза. Прямо передо мной сидела на проводе ласточка и смотрела на меня маленьким прямым взглядом. Это была знакомая старая ласточка. Ее взгляд прозвучал в моей жизни как прощальный отзвук любимой песни.

Начало 1960-х гг.

ЗАДАНИЕ 2 (творческое).

Из десяти предложенных афоризмов об искусстве выберите один, наиболее соответствующий вашему пониманию произведения, не взятого для выполнения аналитического задания («Смерть и воин» или «Ласточкин взгляд»). Объясните ваш выбор. (Примерный объем ответа – 150-200 слов.)

Искусство заключается в том, чтобы найти необыкновенное в обыкновенном и обыкновенное в необыкновенном.

(Дени Дидро, французский писатель и философ середины XVIII в.)

Предмет искусства – трудное и доброе.

(И.В. Гете)

Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства.

(Н.В. Гоголь)

Не суди о произведении по первому впечатлению; то, что тебе нравится в первый момент, не всегда самое лучшее.

(Роберт Шуман, немецкий композитор середины XIX в.)

Задача художника – сделать людей детьми.

(Фридрих Ницше, немецкий философ 2-й пол. XIX в.)

Искусство всегда современно.

(Ф.М. Достоевский)

Искусство есть заражение чувствами других людей.

(Л.Н. Толстой)

Настоящее искусство не сладко, оно всегда с горчинкой.

(А.М. Горький)

Высшая цель, которой служит искусство, — способствовать тому, чтобы люди глубже понимали жизнь и больше ее любили.

(Рокуэлл Кент, американский художник середины XX в.)

Наука успокаивает, искусство же существует для того, чтобы не дать успокоиться.

(Жорж Брак, французский художник первой пол. XX в.)

* * * * *

Принципы оценки аналитического задания

Критерии оценки аналитического задания распространяются как на работы, в которых анализируется произведение, так и на работы, посвященные анализу поэзии.

С целью снижения субъективности при оценивании работ предлагается ориентироваться на ту шкалу оценок, которая прилагается к каждому критерию. Она соответствует привычной для российского учителя **четырёх-балльной системе**: первая оценка – условная «двойка», вторая – условная «тройка», третья – условная «четверка», четвертая – условная «пятерка». Баллы, находящиеся между оценками, соответствуют условным «плюсам» и «минусам» в традиционной школьной системе.

Пример использования шкалы. При оценивании работы по первому критерию ученик в целом понимает текст, толкует его адекватно, делает верные наблюдения, но часть смыслов упускает, не все яркие моменты подчеркивает. Работа по этому критерию в целом выглядит как «четверка с минусом». В системе оценок по критерию «четверке» соответствует 20 баллов, «тройке» – 10 баллов. Соответственно, оценка выбирается проверяющим по шкале «в районе» 30 баллов. Такое «сужение» зоны выбора и введение пограничных оценок «зарубок», ориентированных на привычную модель оценивания, поможет избежать излишних расхождений в таком субъективном процессе, как оценивание письменных текстов.

Оценка за работу выставляется сначала в виде последовательности цифр-оценок по каждому критерию (ученик должен видеть, сколько баллов по каждому критерию он набрал), а затем в виде итоговой суммы баллов. Это позволит на этапе показа работ и апелляции сфокусироваться на обсуждении реальных плюсов и минусов работы.

Критерии:

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. **Максимально 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30**

2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Точность формулировок, уместность цитат и отсылок к тексту. **Максимально 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15**

3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. **Максимально 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10**

5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок). Примечание 1: сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается. Примечание 2: при наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов. **Максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5**

Итого: максимально – 70 баллов

Н.В. Направления для анализа и установочные вопросы, предложенные школьникам в задании, носят рекомендательный характер; их назначение лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Если ученик выбрал собственный путь анализа – он имел на это право, и оценивать надо работу в целом, а не наличие в ней исключительно размышлений по предложенным направлениям.

К р и т е р и и о ц е н к и т в о р ч е с к о г о з а д а н и я

1. Глубина понимания проблемы, обусловившей несогласие с данным афоризмом. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

2. Убедительность соотнесения этой проблемы с литературным текстом. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

3. Владение навыками создания связного, цельного, лексически и стилистически богатого, выразительного текста. **Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10. Максимально 10 баллов.**

Итого: максимально – 30 баллов.

Итого за всю работу: максимально – 100 баллов.